

БЫЛ ТРУДНЫЙ БОЙ...

Д

БЫЛ ТРУДНЫЙ БОЙ...

СТИХИ

МОСКВА
·ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1985

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

Александр Твардовский

НА ПОДВИГ ВЕКА

На подвиг века величавый,
Во имя счастья всех людей
Серпа и молота держава
Ведёт сынов и дочерей.

Отчизна мира и свободы,
Пускай враги тебе грозят:
Всегда с тобой твои народы —
За друга друг,
За брата брат.

Непобедима наша сила,
Под красным знаменем она
И новый путь земле открыла,
И в звёздный край устремлена.

Взвивайся, ленинское знамя,
Нам осеняя путь вперёд!
Под ним идёт полмира с нами,
Настанет день —
Весь мир пойдёт.

Константин Симонов

РОДИНА

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой её ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.

Леонид Мартынов

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастёрки их были в пыли
И от пота ещё солоны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки.

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шёл он вперёд,
Шёл вперёд
Победитель-народ!

Михаил Исаковский

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилася под танки
Со связками гранат;
В горящем самолёте
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемёт,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперёд...
Тебя морили мором
И жгли тебя огнём,
Землёю засыпали
На кладбище живьём;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
Во вражьих блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл;
Леса валила наземь,

Сдвигала горы с мест,—
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты всё перетерпела,
Познала всё сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришёл! Победа
Твоя недалека:
За Тиссой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твоё пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землёй,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За всё, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

Дмитрий Кедрин

ЗАВЕТ

В час испытаний
Поклонись Отчизне
По-русски,
В ноги,
И скажи ей:
«Мать!
Ты жизнь моя!
Ты мне дороже жизни!
С тобою — жить!
С тобою — умирать!»

Будь верен ей.
И, как бы ни был длинен
И тяжек день военной маеты,—
Коль пахарь ты,
Отдай ей всё, как Минин,
Будь ей Суворовым,
Коль воин ты.

Люби её.
Клянись, как наши деды,
Горой стоять
За жизнь её и честь,
Чтобы сказать
В желанный час победы:
«И моего
Тут капля мёда есть».

Константин Симонов

* * *

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

Александр Твардовский

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти — двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.

А он гвоздит — не выглянуть из башен,—
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился,— столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?..— А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт.— Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали.— Вот здесь.— И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

Partisanen

Алексей Сурков

ЗОЯ

Белый иней стынет на омёте,
Вьюга все дороги замела.
Девушка стоит на эшафоте,
Как огонь бессмертия, светла.

Стража у подножья эшафота.
Чёрствый лязг железа. Женский плач.
Началась заплечная работа.
С мученицей рядом встал палач.

А она, избитая, босая,
От безмерных мук жива едва,
Выпрямилась, гордая, бросая
В будущее смелые слова.

Мёрзлый жгут сжимает шею туже,
Но в студёный предрассветный час
Палачи не в силах спрятать ужас
В омутах пустых и мёртвых глаз...

Сквозь людские горести и беды,
Что на сердце тяжестью легли,
Золотое зарево победы
Девушка увидела вдали.

Сергей Михалков

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Малому было четырнадцать лет.
Малый вступил в комсомол.
Дали ему комсомольский билет,
Взял он его и пошёл...

Парень учился, работал и рос,
Вот и в шинель он одет.
В этой шинели на фронт он принёс
Свой комсомольский билет.

Не расставался он с ним никогда —
В годы удач и невзгод,—
Только однажды случилась беда:
Сбили его самолёт.

Лётчик в лесу, на чужой стороне,
Думает: «Есть пистолет,

Компас и карта со мной, и при мне
Мой комсомольский билет.

Мне пистолет не откажет в бою,
Смерти же я не боюсь —
Или погибну за землю свою,
Или к своим доберусь.

Карта поможет мне в трудном пути,
Компас покажет восток,
Как мне до линии фронта дойти
И по какой из дорог.

Совесть моя у меня на груди,
В левом кармане моём.
Совесть моя говорит мне: «Иди!
Вынесем. Не пропадём!»

Лётчик прополз, пробежал и пролез
Мимо чужих патрулей.
Крышей надёжной служил ему лес,
Спутником верным — ручей.

Ветер из сёл до него доносил
Гарь и немецкую речь.
Месяц над пашнями свет свой гасил,
Чтобы его уберечь.

Лётчик в пути бородою оброс.
Долго пришлось голодать.
Лётчик за пачку простых папирос
Мог бы полжизни отдать...

Лётчик вернулся в гвардейскую часть,
К чести полка своего.
Знали друзья: он не должен пропасть,
И поджидали его.

С лётчиком вместе вернулся домой,
Вид потерявший и цвет,
Всех испытаний свидетель немой —
Вымокший, вытертый, но боевой
Наш комсомольский билет!

Александр Прокофьев

* * *

Москва, Москва, священная держава,
Благословляя, веря и любя,
Мы за тебя — по долгу, и по праву,
И по любви — мы бьёмся за тебя!

За то, чтобы черёмух пеной белой
Дымя-дымилась тёплая земля,
Чтоб ликовали отчие пределы,
В отраде жили русские поля;

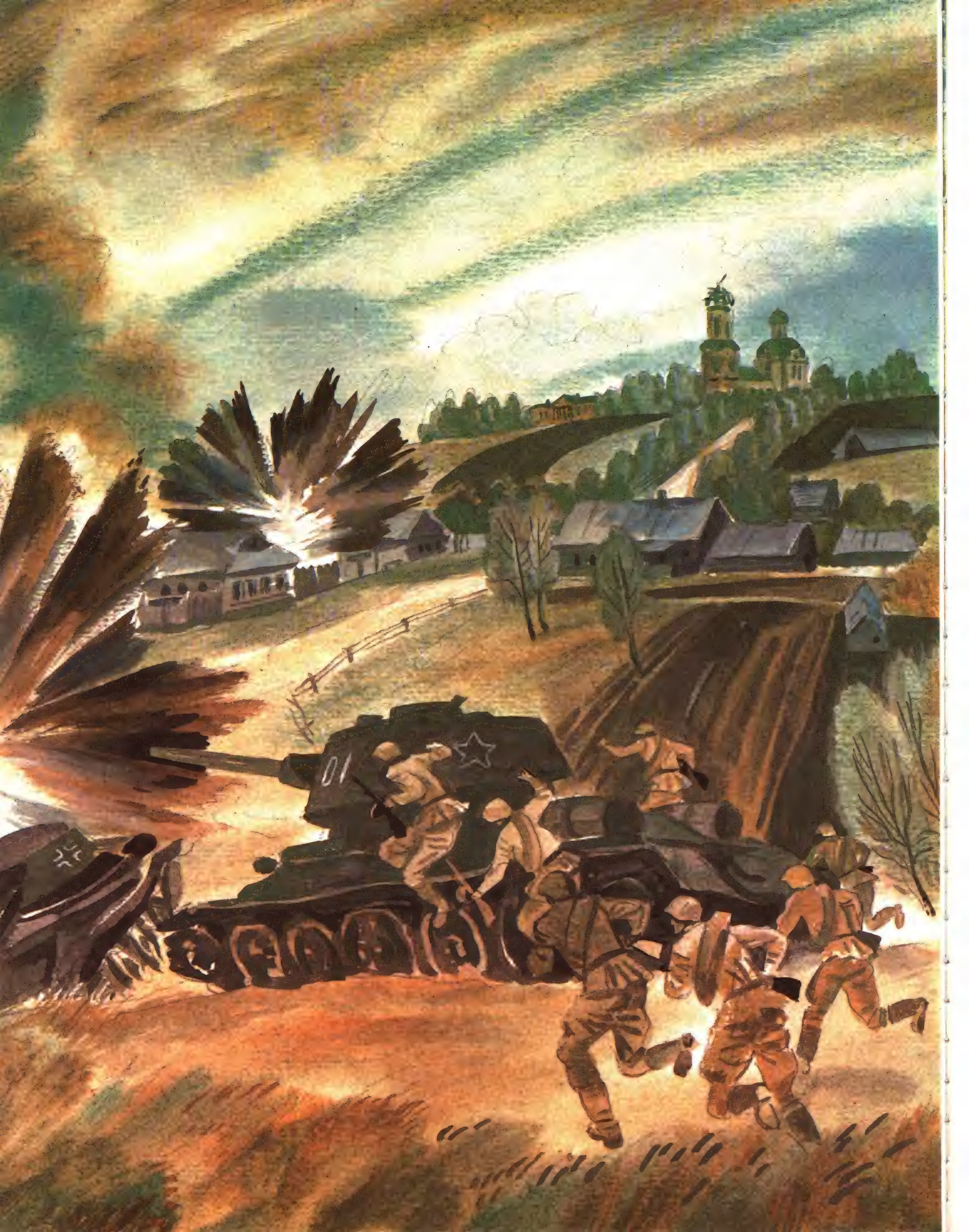
За то, чтоб солнце гасло на затоне
И звёзды отражались бы в реке,
За то, чтоб мать глядела с-под ладони
На озарённом солнцем большаке;

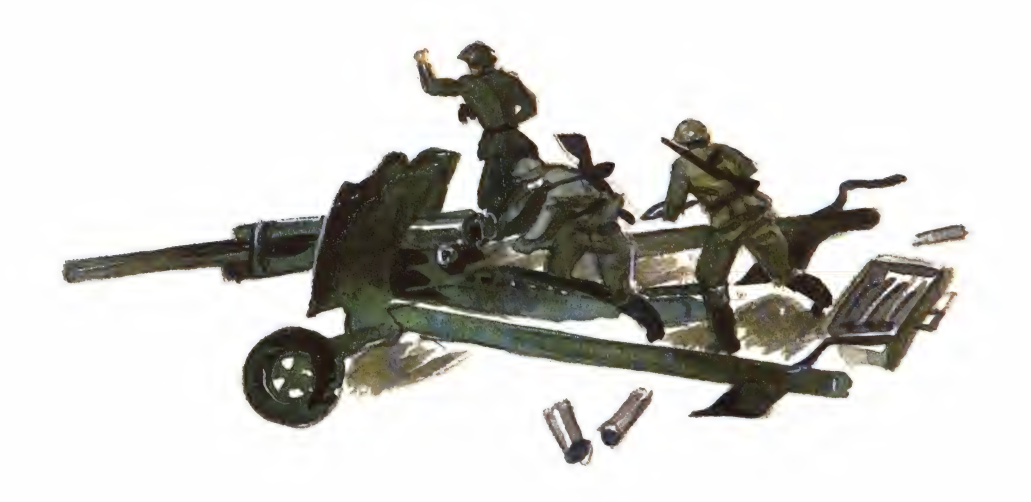
За то, чтоб смолк повсюду рёв орудий,
Чтоб хлеб и соль стояли на столе,
За то, чтоб просто радовались люди
На снова отвоёванной земле!

Сергей Васильев

НАТАША

Мы вошли в деревню с боем на рассвете.
Надрывался ветер. Обжигал мороз.
Нас встречали с плачем женщины и дети,
Белые от снега, жёлтые от слёз.
Первая навстречу бросилась Наташа,
Худенькая девочка, продранный рукав.
— Я ждала!
Я знала!
Вот листовка ваша! —
Лепетала девочка, вдруг ко мне припав.
И рукой озябшей, крохотной и ловкой,
Отогнула девочка шубки отворот
И дала мне в руки красную листовку,
Ту, что мы бросали здесь на Новый год.
Я вошёл с ней в избу. Холодно и пусто,
Только ветер воет в дымовой трубе.
Ни краюшки хлеба, ни листа капусты
Не оставил немец в маленькой избе.
Я узнал: фашисты увели с собою
На глазах у девочки плачущую мать,
Девочку недавно круглой сиротою
Хмурые соседи стали называть.
А ещё мне девочка робко, виновато
Сообщила, голову опустив слегка,
Что похож лицом я на родного брата,
На её любимого брата Василька.
Вася-Василёчек, что с тобою сталось
За Днепром,
За Доном
Или у Двины!
Только помнит девочка, что она рассталась
С добровольцем-братом в первый день войны.
Я сидел с Наташей, тихий и смущённый,
Я утёр ей слёзы стираным платком.
Я ей хлеб намазал пожирней сгущённым
Ледяным пайковым сладким молоком.
Долго мы молчали, слова избегая,
Облитые светом жидкого огня.
А потом сказал я:
— Вот что, дорогая:
С этих пор братишкой ты зови меня!

01

Николай Рыленков

НАВОДЧИК

Не позабыть мне ночи той короткой...
Был май. В лесу черёмуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.

И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал, от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
— Вот, в самый раз... Прости меня, сосед!

И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

Анатолий Софронов

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.

Тропою тайной меж берёз
Спешили дебрями густыми.
И каждый за плечами нёс
Винтовку с пулями литыми.

В лесах врагам спасенья нет:
Летят советские гранаты.
И командир кричит им вслед:
«Громи захватчиков, ребята!»

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

Александр Яшин

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолёта,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Крича, строча из автоматов,
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Танк бил из пушки, пулемёта,
Сжигая травы на корню.
Но вот мотор заглох...
Пехота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт — в иле, в саже,—
Затихнув, бивень опустил.
Его пленили с экипажем
И в штаб решили отвести.

Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,
Он заревел что было силы,
Налёг на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...
Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас!

Едва из топкого болота
Наш танк втянули на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включённый заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгремев утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля
К нему под гусеницы лезла:
Вперёд, к своим — он в ров безлесный
Пошёл, по травам гром стеля.

Пошёл лугами к дальним хатам,
Подмяв пенёк, подрезав ствол,—
Он сам уже врага повёл! —
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошёл.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

Сергей Орлов

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперёк России —
И всю её прикрыл собой!..

Александр Межиров

В КОМСОМОЛЬСКОМ ПОЛКУ ПЕРЕД БОЕМ

Перед боем в степи
От большого затишья мертво.
Память, только не спи!
Мне и так не припомнить всего.

Не о том, как в снегу
Комсомолец лежал под огнём,
Рассказать я смогу,
Не смогу позабыть я о нём.

Маскхалат чуть белей,
Чуть светлей, чем степные снега,
Чем сугробы полей
В запотевшем прицеле врага.

Мы тушили костры,
Нас во мраке разыскивал враг.
Мы сползали с горы
На исходный, в глубокий овраг.

Нам звонил генерал,
И, петляя в траншеях кривых,
Наш комсорг подбирал
Для разведки ребят боевых.

Перед боем душа
Жестока, и нежна, и щедра.
Мы вставали спеша,
Мы шептали комсоргу: — Пора...

Восемь дотов тупых
Вдоль ничейного снега торчат.
Над ракетницей вспых,
Над ракетчиком темень и чад.

Восемь дотов вразмол!
(Амбразуры огнём не моргнут.)
Здесь пойдёт комсомол
Через десять — пятнадцать минут.

А пока на боку
Наш комсорг проверяет наган,
В комсомольском полку
Повторяют приказ по слогам.

Перед боем в степи
Тишина холодна и мертва,
Но летят по степи
От солдата к солдату слова:

— Я пригнусь и рванусь
По зазубренной кромке огня.
Если я не вернусь,
Коммунистом считайте меня...

Михаил Исаковский

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счёта —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей,—
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и в доме и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают всё ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Всё чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив своё горе,
Суровым путём трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далёкой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросалися в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начинённых тобой.

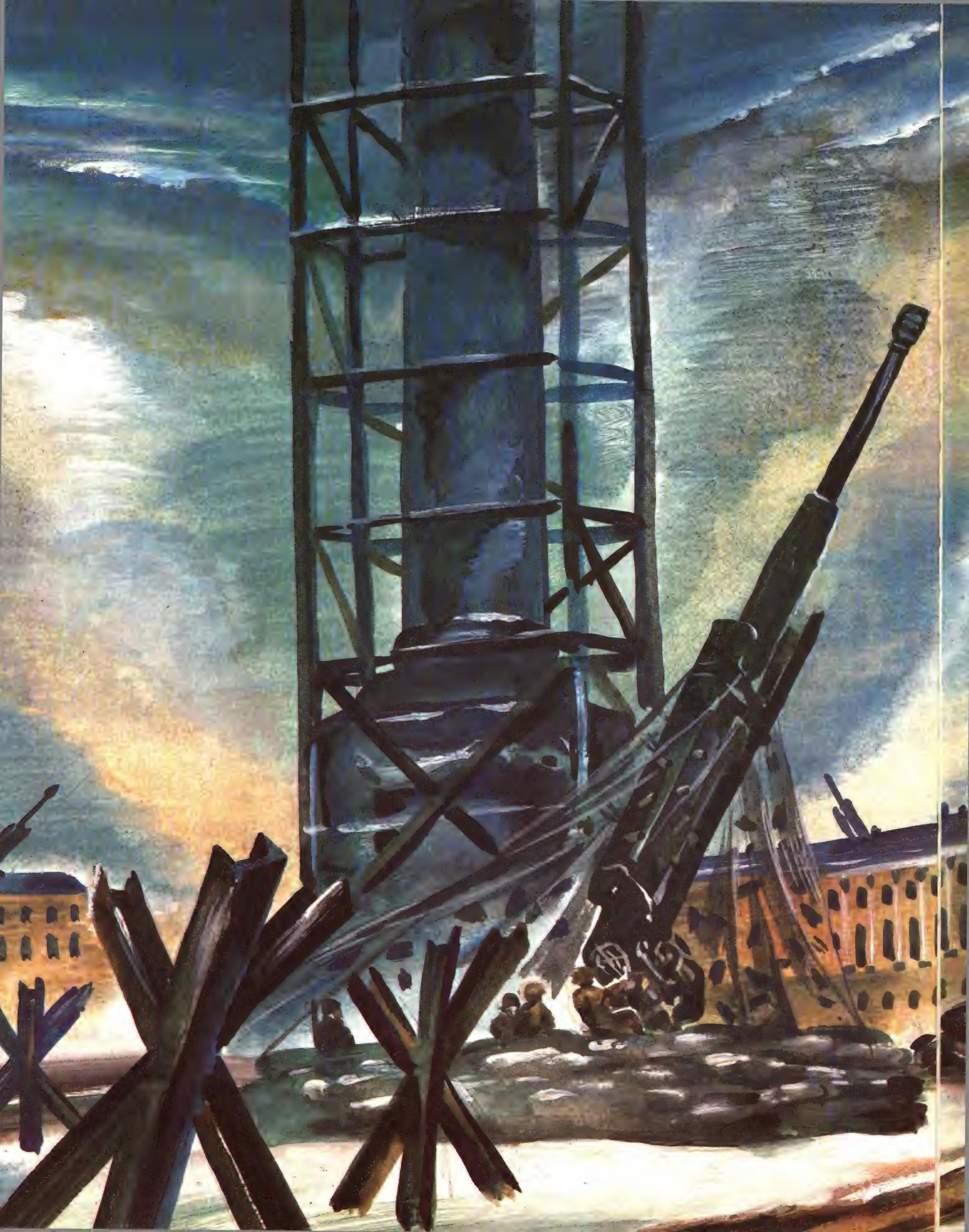
За всё ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала,—
Да разве же всё перечтёшь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живёшь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый её,
Как клятву шептал, как молитву,
Далёкое имя твоё...

Самуил Маршак

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Башня есть под Ленинградом,
А на башне — циферблат.
Разорвался с башней рядом
Неприятельский снаряд.

Бил по башне в перестрелке
Частым градом пулемёт.
Но ползут по кругу стрелки,—
Время движется вперёд!

Под землёй лежит в подвале
Сердце башенных часов,
Чтоб его не колебали
Даже звуки голосов.

Управляет ходом терций
И движением секунд
Металлическое сердце,
Крепко вделанное в грунт.

К башне — к Пулковским высотам —
Много месяцев подряд
Рвался враг, стремясь к воротам,
Замыкавшим Ленинград.

Но надёжен, неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Сбиты вражьи батареи,
Сметены с лица земли.
И на запад мы быстрее
Стрелок времени пошли!

Самуил Маршак

ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись:
«Отстоим!»
А сверху «р» добавлено:
«Отстроим!»

Юлия Друнина

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы —
девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

Сергей Наровчатов

СОЛДАТЫ СВОБОДЫ

Полощут небывалые ветра
Наш гордый флаг над старым магистратом.
И город взят. И отдыхать пора,
Раз замолчать приказано гранатам.

А жителей как вымела метла,
В безлюдном затеряешься просторе...
Как вдруг наперерез из-за угла
Метнулось чьё-то платьишко простое.

Под ситцевым изодранным платком
Иззябнувшие вздрагивают плечи...
По мартовскому снегу босиком
Ко мне бежала девушка навстречу.

И прежде чем я понял что-нибудь,
Меня заполонили гнев и жалость,
Когда, с разбегу бросившись на грудь,
Она ко мне, бессчастная, прижалась.

Какая боль на дне бессонных глаз,
Какую сердце вынесло невзгоду...
Так вот кого от гибели я спас!
Так вот кому я возвратил свободу!

Далёкие и грустные края,
Свободы незатоптанные тропы...
— Как звать тебя, печальница моя?
— Европа!

CAFE
HOTEL

Николай Ушаков

ЧЕТВЁРКА

Их четвёрка боевая,
а фамилии бойцов —
    Иваненко,
    Иванбаев,
    Иванидзе,
    Иванов.

Не страшили дождь и ночь их,
и немало огневых
вместе подавили точек,
не считая запятых.

Вместе шли они в сраженья
через минные поля,
на узлах сопротивленья
славу поровну деля.

Воевала, дело зная,
та четвёрка храбрецов —
    Иваненко,
    Иванбаев,
    Иванидзе,
    Иванов.

Шли за Нарев, шли за Вислу,
и за Одером-рекой
стало гитлеровцам кисло
от четвёрки дорогой.

Стало тесно распроклятым —
охватил фашистов страх!
Та четвёрка в сорок пятом
заскочила к ним в рейхстаг.

Расписалась боевая
на стене без лишних слов —
    Иваненко,
    Иванбаев,
    Иванидзе,
    Иванов.

И конец войне. Победа!
Все на родину свою —
на Донец, на Каму едут,
на Рион, на Сырдарью.

У друзей такой характер —
полон рот у них забот:
тот — на шахту, тот — на трактор,
эти двое — на завод.

Трудятся, не забывая
сотоварищей-бойцов,
    Иваненко,
    Иванбаев,
    Иванидзе,
    Иванов.

Степан Щипачёв

ПАВШИМ

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
Погибшие в бою.

Пусть всех имён не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Была б кощунственной моя
Тоскливая строка
О том, что вот старею я,
Что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
В бою, под свист и вой,
Мог пасть в солёном Сиваше
Иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,
Вернулся ли бы я домой
Обнять старуху мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
Жизнь погасил бы враз,
Но был не я убит в степи,
Где обелиск сейчас.

На подвиг вновь звала страна.
Солдатский путь далёк.
Изрыли бомбы дочерна
Обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шёл от воронок дым;
Горячим запахом металл
Запомнился живым.

Но всё ж у многих на войне
Был тяжелее путь,
И Черняховскому — не мне —
Пробил осколок грудь.

Не я — в крови, полуживой,
Растерзан и раздет,—
Молчал на пытках Кошевой
В свои шестнадцать лет.

Пусть всех имён не назову,
Нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
Что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

Николай Старшинов

* * *

Друзья моих военных дней,
Где вы теперь,
Как вы живёте?..
Той давней дружбы нет верней,
Рождённой в пулемётной роте.

Мне кажется: среди болот,
Среди лесов, объятых вьюгой,
Она по-прежнему живёт
Между Смоленском и Калугой.

Там, где февральский мокрый снег
Выбеливает обелиски,
Она живёт, как человек,
Понятный и донельзя близкий.

Она под орудийный гром
Сидит над гаснущим костром,
Ползёт по снегу с автоматом,
Как в том
Крутом
Сорок втором,
Как в легендарном сорок пятом...

Евгений Евтушенко

* * *

М. Бернесу

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
над ширью пашен и полей
и у берёз и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
что под берёзами лежат,
и вам ответят их сыны,
хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны.
Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.
Спросите вы у матерей.
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.

Сергей Орлов

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Ещё война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоём — он левою, я правой.
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Ещё на листья, травы и леса.

А в устье, так, что вёсла гнулись
с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете,—
Мы не могли тот день встречать вдвоём.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Всё речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слёзы было нечем утереть.
....

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

Михаил Дудин

ПОБЕДИТЕЛЬ

Без малого четыре года
Гремела грозная война.
И снова русская природа
Живого трепета полна.

Там, где мы брали кровью, с бою,
Противотанковые рвы,
Цветы, обрызганы росою,
Встают, качаясь, из травы.

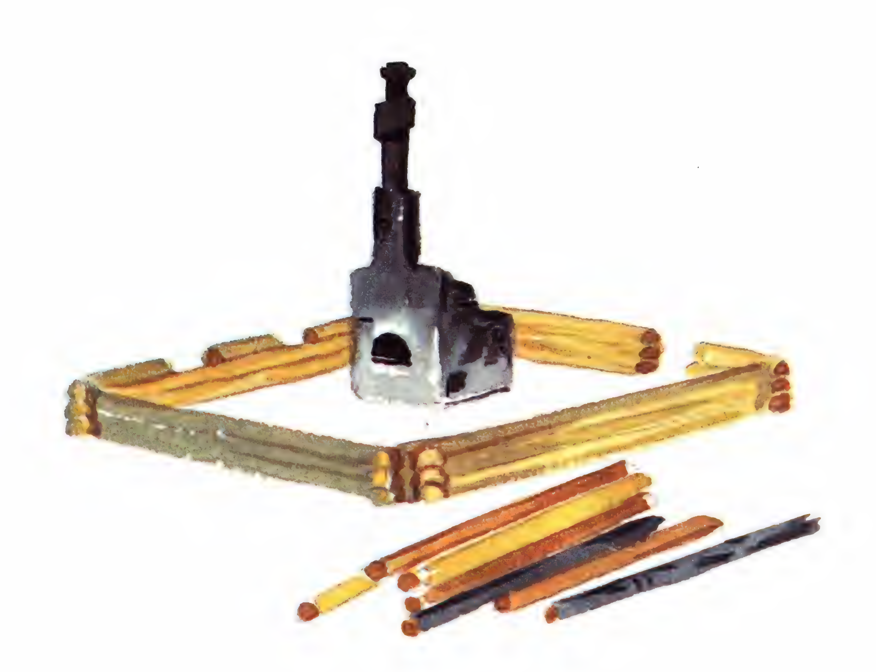
Где ночь от ярких молний слепла,
Кипела в заводях вода,—
Из камня, щебня и из пепла
Встают родные города.

И вот дорогою обратной,
Непокоряемый вовек,
Идёт, свершивши подвиг ратный,
Великий русский человек.

Он сделал всё. Он тих и скромен.
Он мир от чёрной смерти спас.
И мир, прекрасен и огромен,
Его приветствует сейчас.

А сзади тёмные могилы
Врагов на дальнем берегу —
О нашей доблести и силе
Напоминание врагу.

Александр Прокофьев

* * *

Нынче удались цветы повсюду,
Вволю им дано покрасоваться.
Я смотрю на землю, как на чудо,
Просто не могу налюбоваться.

Всё в цветах! Везде я их встречаю,
Даже пробиваются как — слышу.
Куст какой-то смелый иван-чая
Смотрит на собратьев прямо с крыши.

Вот раскрылся лютик милый, милый,
А на холм, где расцвела ромашка,
Где калина руки заломила,
Вышел клевер в розовой рубашке!

Разлеглись, как в сказке, голубые,
Синие, зелёные края...
Неужель тебя железом били,
Мать моя, сыра земля моя?!

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

БЫЛ ТРУДНЫЙ БОЙ...

ИБ № 8432

Ответственный редактор *С. В. Орлеанская*. Художественный редактор *Л. Д. Бирюков*. Технический редактор *Г. Г. Рыжкова*. Корректор *Е. А. Сукясян*. Сдано в набор 17.04.85. Подписано к печати 31.05.85. Формат 84×108 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 26,14. Уч.-изд. л. 4,52. Тираж 300 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ № 1016. Цена 1 р. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Рисунки Л. НЕПОМНЯЩЕГО

Оформление серии Е. ЯКОВЛЕВА

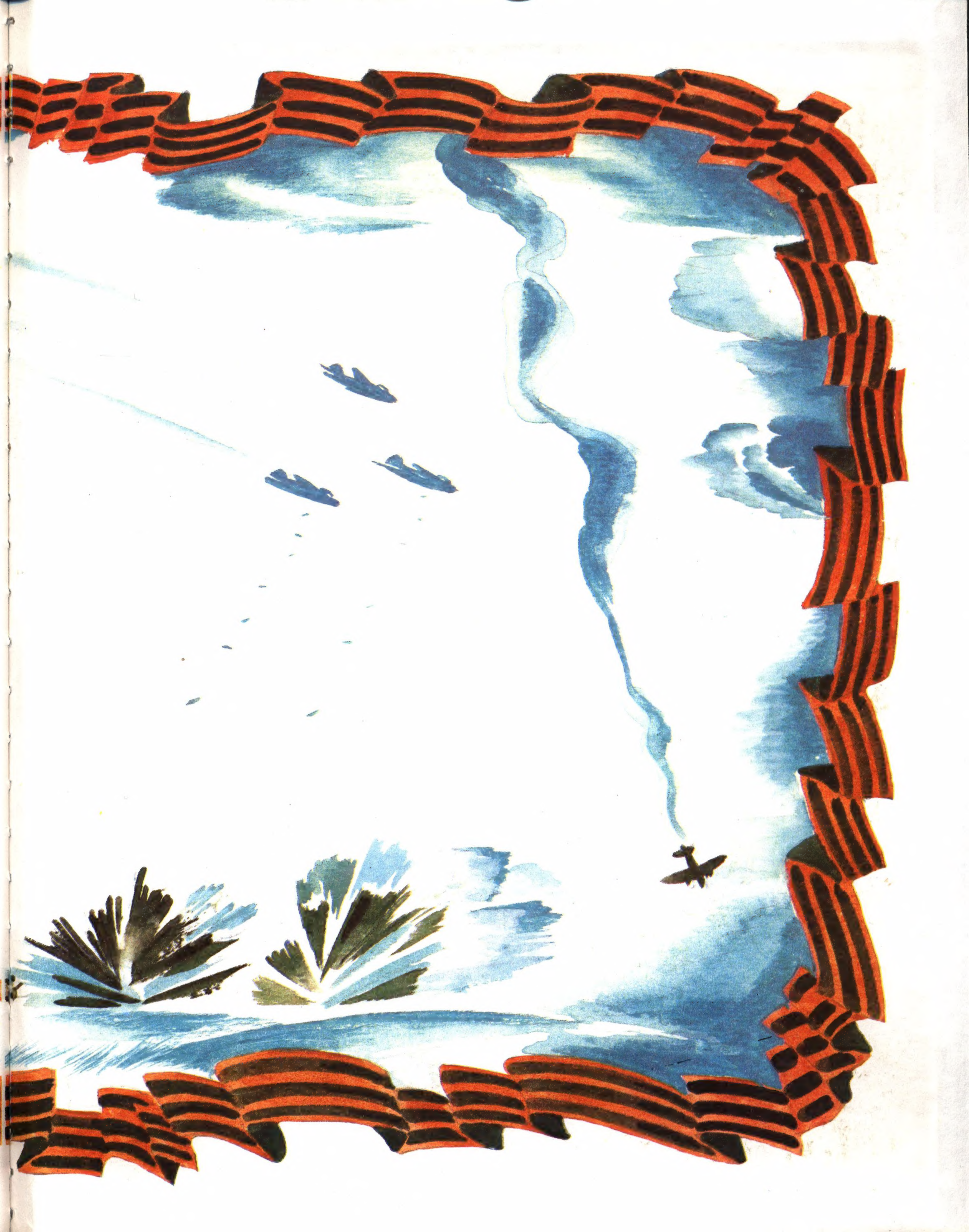
Был трудный бой...: Стихи/Рис. Л. Непомня-
Б95 щего; Оформл. серии Е. Яковлева.— М.: Дет. лит., 1985.— 56 с., ил.— («Пою моё Отечество»).

В пер.: 1 р.

Стихи известных советских поэтов о Великой Отечественной войне.

Б $\frac{4803010102—425}{М101(03)85}$ 200—85 **Р2**

1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»